М О Я
ПРОГУЛКА въ РОСТОВЪ

или

Описаніе всего того, что я въ мой проѣздъ слышалъ, чувствовалъ, видѣлъ, чѣмъ восхищался, и занимался.

(Любезной Сестрѣ моей ДУНЮШКѢ.)

*Соч. Р*** Ра******

МОСКВА 1804.
Въ Типографіи Христоф. Клаудія.

****

Слабыя дарованія! вамили угодить любезнымъ читателямъ.

Dupont jeune auteure de Cheri tomie, стр. пред. 2.

Съ дозволенія Московскаго Гражданскаго Губернатора.

À

P. E. S. de Trou***,

jeune, cherie aimable Demoiſelle.

Пусть хитрый критикъ, на счетъ злорѣчія сплѣтаетъ язвительныя шутки, и увесѣляетъ сердца холодныя! — *твое одобрѣніе, твоя улыбка и все забыто.*

Нимф. книг. 1.

Стр. 207. —

****

— — — — — — — —
— — — — — — — —

Для чего Природа дивная
Не дала мнѣ дара чуднаго
Нѣжной кистію пресыщать глаза,
И писать живыми красками.

— — — — — — — —
— — — — — — — —

Н. Карамзинъ.

ПРИНОШЕНІЕ.

Любезной сестрѣ моей А. Н. въ день тезоименитства.

Тебѣ милая Дунюшка, тебѣ посвящаю сію бездѣлку въ самой день твоего Ангела. Я не хочу дарить тебя драгоцѣнными подарками: ибо онѣ служатъ только къ украшенію свѣтскихъ дѣвушекъ, ихъ только сіе можетъ занять, а ты благодаря судьбѣ, не имѣешь

сей слабости. — Теперь мнѣ только остается, чтобы ты прочла мою *прогулку:* и отъ добраго нѣжнаго сердца, что нибудь объ ней сказала. — Мой трудъ уже и награжденъ.

P. P.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Къ сестрѣ моей А. Н.

(Москва) отъ 1. Іюня.

Милая сестра, какъ ты не спѣши, какъ не старайся меня здѣсь застать, нѣтъ уже все будетъ поздно. — Я съ тобой еще нѣсколько времяни не увижусь — еще нѣсколько времяни не буду наслаждаться твоимъ прелестнымъ звучанїемъ на гитарѣ — я не видался съ то-

бою шесть лѣтъ — ты хотѣла посмотрѣть меня, хотѣла, но нѣтъ, желанїя рѣдко исполняются — должность повелѣваетъ мнѣ еще малое время тебя не видать, сестра моя, *моя милая Дунюшка.* — Сего дня въ 6 часовъ отправляюсь я въ *Ростовъ* и только тѣмъ утѣшаюсь, что пріѣхавши отъ-туда поднесу милой сестрѣ моей, *кой-что,* что займетъ ее нѣсколько часовъ — она охотница читать, любопытства пожелаетъ, мо-

жетъ быть, знать и объ Ростовѣ, столь древнемъ городѣ. То дабы предупредить тебя, милая сестрица, я хочу описывать всю дорогу отъ Москвы до Ростова, всѣ случающїеся на ней достопамятности, все то, что послужитъ къ твоему удовольствїю, что займетъ тебя — ты охотница сама заниматься литтературою, ты изрядно пишешь, и можно надѣяться, что ты напишешь такое, что будетъ трогать сердце. —

Ты знаешь, что наши господа критики благосклонны къ *нѣжному полу* и вѣрно еще одобрятъ твои первыя труды — я надѣюсь — не бойся, милой другъ! женщина съ дарованіями, иная и лицомъ не хороша, но имѣетъ что то такое, что привязываетъ къ ней всякаго и принуждаетъ сдѣлать какъ бы по неволѣ себѣ почтеніе — *женщина авторъ*, рѣдкость, не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ свѣта —

я вспрыгну отъ радости; естьли моя милая Дунюшка что нибудь сочинить и въ Меркурїѣ будетъ написано на первой разъ: *изрядно*. Прощай.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

(большія Талицы) отъ 2 Іюня.

Кибитка готова — сажусь и скачу. Попадающїеся мнѣ тихо перешептываются и

взглядываютъ на меня какъ на какого нибудь важнаго курїера -- на заставѣ записали и я уже внѣ города — Ямщикъ запѣлъ пѣсню и томной колокольчикъ заунывно визжалъ надъ головою лошадей моихъ. Первой предметъ взору моему это Алексѣевское село, построенное говорятъ еще по повелѣнїю государя царя Алексѣя Михайловича оно довольно описано нашимъ любезнымъ Россїйскимъ путешественникомъ, ты это знаешь, и я распространяться

не стану. ВЪѢхавъ въ него я почувствовалъ что то такое, что побуждало меня вспомнить древность — проѣзжалъ ли хотя одинъ любопытный человѣкъ и не сходилъ посмотрѣть окрестности Алексѣевскаго.- НѢтъ, — я слѣдую ихъ примѣру, велю остановиться, — иду смотрѣть тѣ древности, кои восхищали сердце мое, при чтеніи *вѣстника*. Взглянулъ на то мѣсто, гдѣ дворецъ и по неволѣ произнесъ: тутъ жили наши праотцы.

государи, жили весело, хорошо; но теперь мечтаются взору моему одни наводящїе унынїе развалины — что будетъ и *Москва* чрезъ нѣсколько вѣковъ. — Неизвѣстно. — Кто это знаетъ, кромѣ БОГА. — Я сѣлъ въ кибитку, и продолжалъ свой путь. Послѣ сего села проѣзжалъ деревню *Ростокино*. довольно изрядную: за нею слѣдуютъ по обѣ стороны дороги лѣса, и зеленѣющїяся равнины. Тутъ горожанинъ почувствуетъ нѣчто дере-

венское — не тотъ воздухъ — не тѣ прелести, какïе видимъ въ нашей Москвѣ. — Что сравниться можетъ съ прелестями природы? нѣтъ, на открытомъ полѣ уже не опасаешься задохнуться пылïю. — Проѣзжаю малыя *Мытищи* усматриваю водоводъ, проведѣнный изъ большихъ Мытищъ въ Москву дѣлающïй славу Великой ЕКАТЕРИНѢ II. Какая хорошая вода, я пилъ ее; нѣтъ, она несравненно лучше нашей трехъ-горской. Въѣз-

жаю *въ большїя Мытищи*, останавливаюсь, хожу и разсматриваю колодцы — осматриваю мѣстоположенїе села сего и нахожу изряднымъ сажусь въ повозку; извощикъ запѣваетъ унылую пѣсенку, кричитъ на лошадей, и я какъ бы по воздуху въ одно мгновенїе пролетаю прохладныя рощицы и темныя лѣса. Обращаю взоръ мой, и я уже на рѣкѣ Клязмѣ, при коей построены нѣкїя заводы и мельницы. Я проѣзжаю ее мимо, не имѣя

времени осмотрѣть внимательнѣе. Да и тамошніе жители говорятъ, что у нихъ кромѣ рѣки и заводовъ нечего смотрѣть. Но ахъ! я ужъ и въ Пушкинѣ, вотъ каково задумываться? — какое прекрасное село, оно поселѣно на рѣчькѣ, крестьяне всѣ живутъ отмѣнно чисто, тутъ можно видѣть для пріѣзжающихъ хорошіе комнатки; (свѣтіолки) поселяне на прерывъ зовутъ пріѣзжающихъ для отдохновенія, и даютъ то чувство-

вать, что и земледѣлатели довольно стали просвѣщены. — Взгляника за 200 лѣтъ что было? въ какомъ тогда положенїи, въ разсужденїи обхожденїя находился народъ Россїйскїй. — Пушкино никогда не бываетъ пусто, всегда множество обѣдаетъ и ночуетъ путешественниковъ; всегда въ свѣтелкахъ стѣны измараны карандашомъ, тутъ можно найти въ стихахъ и прозѣ цѣлую книгу и заняться чтенїемъ; иной пишетъ что

я тутъ былъ и уѣхалъ, другой чертитъ мысли души своей, и изображаетъ со вздохомъ вензель своей возлюбленной — много всячины, и естлибъ все описывать, то надобно бы сшить тетрать изъ цѣлой дести. За симъ селомъ слѣдуетъ Новая деревня, которая не такъ достопримѣчательна, чтобъ чертить о ней на бумагѣ. Ну сей часъ въѣхалъ въ Братовщину село, кое достопримѣчательно по своему старому дворцу, уже

почти развалившемуся, къ оному принадлежитъ изрядной садикъ, и рощица, старая дворцовая церковь, которая, я думаю, скоро, скоро уже совсѣмъ обрушиться. Мимо села сего протекаетъ не большая рѣчка, на которой въ правую сторону отъ Братовщины есть заводъ, на весьма прелестномъ мѣстоположенїи — тутъ на дорогѣ попадаться начинаютъ не большїя болотцы и лѣса не престаютъ дѣлать прїятной проспектъ. О Бра-

товщинѣ говорятъ, тамошнїе жители, что она построена пятью родными братьями: и отъ того получила свое названїе; но сїе мало вѣроятно — кто не остановился въ Пушкинѣ, тотъ вѣрно остановится въ Братовщинѣ. Оно не уступитъ ему своимъ расположенїемъ — я однакожъ вопреки сему поѣхалъ далѣе. Тутъ приходитъ деревенька Спасенка, принадлежащая господамъ, за ней малыя Талицы, преизрядненькая дере-

венька, не задолго передъ моимъ проѣздомъ тутъ была саженая рощица, которая меня всегда заставляла выдти изъ повозки и пройти раза три, она была обработана въ Аглинскомъ вкусѣ — и ее уже нынѣ нѣтъ — владѣльцы видно не охотники до пріятнаго, всю ее вырубили. Я помалодушничалъ, вздохнулъ, помышляя: далъ ли бы это здѣлать тотъ, кто сажалъ ее, онъ трудился, чево стоило дождаться, чтобъ она выросла. — Но

трудЪ и попеченїе напрасны, она продана и вырублена. — ВЪ 8 часовЪ вечера я прибылЪ вЪ большїя Талицы, которые посѢлены на какой то рѣчькѣ; не большая гора, сЪ которой видЪ ТалицЪ дѣлается прїятнымЪ. ТутЪ тоже почти найдешь все, что вЪ Братовщинѣ. Здѣсь я остановился ночевать и по окончанїи сего письма сѣлЪ ужинать. Adieu.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Троицкая Сергіева Лавра.

отъ 3 Іюня.

По отбытіи моемъ изъ большихъ Талицъ, проѣзжалъ я часовню, въ коей сидѣлъ сѣдовласый удрученный временемъ старецъ, и собиралъ отъ прохожихъ подаяніе на свѣчи въ часовню, и содержаніе себя. Предшественникъ его былъ весьма нещастливъ, (говорятъ поселяне) злые люди воображая, что онъ мно-

го собралъ милостыни, въ одинъ день его разграбивши убили. Этому уже десять лѣтъ и убїйцы не отысканы. Сїя часовня поставлена подъ горою на прекраснемъ мѣстѣ. Ну вотъ и село Рахманово, построенное на изрядномъ мѣстѣ — Каменная церковь придаетъ важный видъ сему селѣнїю — тутъ дорожный подумаетъ, что онъ находится въ какомъ нибудь очаровательномъ мѣстѣ — безпрестанно лѣса, прохладные сребряные ручейки, и въ

сторонѣ есть ключевые колодцы — ароматныя рощицы, словомъ все прелестно. За нимъ слѣдуетъ село Воздвиженское, поставленное на высокой горѣ, подъ горою рѣка обсаженная какъ бы нарочно проспектомъ ольховаго кустарника. Утомленный путешественникъ сядетъ на Воздвиженской горѣ, и посмотритъ назадъ, сколько онъ прошелъ, и увидитъ дальній свой путь. Минувъ сіе знаменитое село, проѣзжалъ мимо кресла, воздвигнутаго въ па-

мять того произшествїя, что Святый Сергїй Радонежскїй былъ встрѣченъ своимъ сотрудникомъ на мѣстѣ томъ. Поспѣный старецъ, сидитъ у креста, и собираетъ подаянїе. У него въ рощицѣ разчищенъ садочикъ, гдѣ онъ въ свободные часы и отдыхаетъ. — Тутъ, — проѣхали мы деревню Резанцы и увидили Троицкую Лавру.

Прибывши въ оную, вхожу къ одному знакомцу, пью чай, а послѣ иду прикладываться ко святымъ мощамъ.

Монастырь расположенъ прекрасно, и вселяетъ во всѣхъ пришельцовъ какія то священныя мысли. Всѣ занимаются моленіемъ и разсматриваніемъ сего священнаго мѣста. Пруды служатъ къ не-послѣднему украшенію Лавры. Я и спросилъ позволеніе походить по монастырьскому саду; однакожъ не дождался смотрителя за садомъ, онъ былъ въ отлучкѣ. Ходя по монастырю не оставилъ безъ замѣчанія Троицкой ко-

локольни, святаго колодца, и обелиска воздвигнутаго ПлатономЪ МитрополитомЪ, вЪ память важныхЪ произшествїй, случившихся вЪ МонастырѢ. Я прочитавши пошелЪ, и мысли мои наполнились меланхолїею.

Прощай.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

К о н ю х о в о деревня съ большой дороги въ право съ поль версты.

Отъ 3. Іюня.

Валяй, поваливай, кричалъ извощикъ, по выѣздѣ отъ Троицы, и чрезъ четвертъ часа я уже очутился въ Зубачовѣ; подобно и вышеписанной деревнѣ Резанцамъ, мы село это проскакали, какъ бы пролетѣли. Я сѣлъ

на облучокъ кибитки и дремалъ; а извощикъ затянулъ обыкновенную пѣсенку про свою милую. Пропѣвши пѣсню поѣхалъ онъ тише и спрашивалъ меня далъ ли я ему на водку — я обѣщался. — Но ты удивишься, что я ужъ и въ Сватковѣ. Селѣ стоящемъ на изрядномъ мѣстѣ. Проѣхавши оное, густыя лѣса, какъ бы нарочно окружающіе большую дорогу и дѣлающіе пріятною: впрочемъ вливаютъ священный ужасъ въ душу

мою, да и какъ не почувствовать страха ѣхавши самдругъ густымъ лѣсомъ. Наконецъ мой извощикъ какъ бы пробудясь отъ сна засвисталъ и лошади полетѣли — подъѣхавши къ Рогачову деревнѣ — увидѣлъ я не большой прудокъ, окруженный болотомъ, я не преминулъ сойти съ повозки и походить около его (ты знаешь что я охотникъ стрѣлять). Взводокъ дикихъ пернатыхъ, вспорхнулъ не далеко отъ меня и я *бацъ:*

убилъ двѣ пары оныхъ; сѣлъ и поскакалъ. Дорога становилась безпрестанно песчанѣе и гористѣе, густой ельникъ придавалъ какой то трепетъ, и страшный вой выпя въ болотахъ наводилъ содроганїе на меланхоликовъ. (Я изъ числа оныхъ) — Спускаюсь къ подошвѣ горы, и вижу на вершинѣ оной построенное село Редриковы горы, — Возникъ мой поѣхалъ тише и я сошедъ съ повозки и достигши верьха сей высокой горы прежде его, возсѣлъ,

и чувства мои объялись нѣкiимъ священнымъ восторгомъ. — Какой видъ — тутъ зеленыя верьхушки дремлющаго лѣса, представляютъ бархатную долину. Здѣсь извивистый ручей ударяясь объ каменистыя скалы, отпрыгиваетъ назадъ, журчитъ — прорывается, и представляетъ прелестный чрезъ камни водопадъ. — Осмотрѣвъ окружности Редриковыхъ горъ, поѣхалъ далѣе, — мѣста не уступятъ прелестями. Одна гора слѣдуетъ за другою ро-

вное мѣсто; и вотъ деревня Дубна, на рѣкѣ тогожь имяни, коя довольна замѣчательна по тому, что на ней построены фарфоровыя заводы, и по тому что она протекая слишкомъ 200 верстъ впадаетъ въ Волгу, недалеко отъ Клина. — Тутъ поворотилъ я съ большой дороги въ право въ деревню Конюхово, коей владѣтельница мнѣ очень блиская родня; это бы удивительно было, естьлибы я ѣхалъ мимо и не навѣстилъ. Проѣхалъ Потапиху,

деревню отдѣляющуюся отъ Дубны одною рѣкою. Загремѣла кибитка, колокольчикъ зазвинѣлъ и я въ Конюховѣ—. Пріѣхавши въ оное, поздоровавшись съ милыми хозяевами, пошелъ обмыть дорожную пыль въ рѣкѣ Дубнѣ—. Какое милое купанье — что твоя Истья. (*) Вообрази около рѣки какъ будто нарочно обѣдѣлано то Аглинскими садочками, —

(*) Рѣка въ деревнѣ С.

то смиренными рощицами,— тутъ впадаетъ рѣзвой ручеекъ — а тутъ гордой ключь съ кипѣнїемъ избрасываетъ изъ себя воду —. Сестра, каковы прелести? пришедши въ домъ меня просили, чтобъ я остался до ужина —. Я согласился и такъ было весело, что лучше, нежели на нашихъ зимнихъ Московскихъ балахъ. Когда солнце начало скрываться за горизонтъ и багряная заря тускло растилаться по эѳирному не-

бу, я невольнымъ образомъ сказалъ, прощай благодѣтельное свѣтило, завтра, завтра можетъ быть тебя не увижу болѣе. Наши хозяюшки взяли по удочкѣ; въ томъ собранїи былъ и я, мы пошли ухитряться противу рѣзвой рыбы. — Дубна изобилуетъ рыбою — но мнѣ наскучило уженье, я пошелъ осматривать прелестныя мѣстоположенїя. — Ахъ что сравниться съ ними? Кто изобразитъ ихъ — горы — лѣса — журчащїе

источники, бархатные луга, тучныя стада, разсѣянныя по ровнымъ долинамъ. — Все очаровательно. Упомясь пошелъ домой. — Браво! вотъ готовъ ужъ и ужинъ, сѣли за столъ, пошутили, поговорили, о новостяхъ шумной столицы — отъужинали и прощай благословенное семейство, меня не тутъ-то было. Прощай Конюхово я поскакалъ. —

Adieu, adieu, ma tres aîmée.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Лиссавы деревня.

От 3. Іюня.

Отправясь изЪ Конюхова и проѢхавЪ опять вышеписанную Потапиху, поднялся я на довольно высокую гору, и продолжая путь сЪ полверсты по ровному полю, вступилЪ вЪ село Кореллы. ТутЪ не утомимыя руки художниковЪ созидаютЪ каменную церковь; а старая уже очень вѢтха. За Кореллами до-

рога становится песчанѣе и гористѣе. Священныя лѣса въ театральномъ вкусѣ, окружаютъ дорогу, томный голосъ пожилова и претерпѣвшаго много горя ямщика, мѣшается съ пронзительнымъ звукомъ колокольчика, и наводитъ на меня какое-то унынїе. Вспоминаю о сердцу милыхъ, о тебѣ дражайшая Дунюшка! и слезы каплютъ изъ очей моихъ. — Колоколъ зазвинѣлъ, громче: и лошяди бѣжали подобно конямъ солнцевымъ.

Проѣхавъ Терибирово, видѣлъ тѣ самыя вертограды, которыя намъ описываютъ славныя поепы: видѣлъ гордыя скалы усѣянныя томнымъ ельникомъ, видѣлъ на долинахъ трудолюбивыхъ поселянъ ссѣкающихъ острїемъ косы зеленую мураву. — Ково не восхититъ это? Екипажи безпрестанно то обскакаваютъ меня, то вспрѣчаются со мною. Я всегда загляну во всякую повозку, вздохну и скажу: *нѣтъ, это еще всѣ не тѣ,*

кого мнѣ надобно. — Размышляю о васъ, друзья мои! о тебѣ любезная Дунюшка! — взѣхалъ я на славную Лиссавскую гору, коя возвышаясь выше гордаго лѣсу, представляла божественную картину. Солнце уже величаво изходило яко исполинъ изъ за темныхъ лѣсовъ, — и сердце мое наполнилось благоговѣнія къ верховному существу, которое еще мнѣ позволило узрѣть сіе благодѣтельное свѣтило. Спуспившись съ го-

ры и прибывъ въ Лиссавы, извощикъ остановился, отложилъ лошадей, я повелѣлъ приготовить сельской обѣдъ, и въ ожиданїи сѣлъ у воротъ онаго дома на скамейку. Тутъ хоръ красныхъ дѣвушекъ и удалыхъ краснощекихъ ямщиковъ, громко распѣвалъ пѣсню: *вдоль по улицѣ*; бѣлорумяныя дѣвушки шли впередъ, а добрыя молодцы во всемъ своемъ праздничномъ нарядѣ бодро преслѣдывали и подхвапывали пѣсню. Между

тѣмъ я отобѣдалъ, — лошади готовы, я сѣлъ и пустился въ путь. —

N'oubliez-pas.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

(Погостъ) 4 Іюня.

Проѣхавъ три или четыре версты, появилась деревенька Василїова, въ ней ничего особеннаго нѣтъ. — За нею слѣдовали Новинцы, тогожъ сорта, развѣ нѣсколькими гра-

дусями превзошла первую. По выѣздѣ изъ оныхъ горы слѣдуютъ одна за другой, — лѣса смиренно стоятъ по обѣ стороны дороги и изрѣдко представляютъ Амфитеатръ усѣянный милліонами цвѣтовъ. Вотъ и новое село, принадлежащее по видимому какимъ нибудь господамъ. Довольно изрядной домъ выстроенной, церковь и прочія сельскія принадлежности представляютъ хозяйственнымъ село сіе. — Послѣ онаго слѣдуетъ

Слободка, село принадлежащее графу Хвостову, довольно извѣстному по своимъ прекраснымъ произведѣнїямъ. За онымъ Глебовское село, принадлежащее гну. Макарову, сїе село примѣчательно и принуждаетъ меня приписать хвалу доброму домостроительно. Въ немъ изкопаны большїя пруды, гдѣ рыба станицами безпрестанно плаваетъ. Въ немъ заведены прекрасныя сады, со всѣми принадлежностями. Небольшой звѣринецъ, слу-

житъ къ непослѣднему утѣшенїю почтеннаго Эконома. Каменная церковь, сдѣланная въ новѣйшемъ вкусѣ, придаетъ особый видъ сему селѣнїю. Выѣхавъ изъ него, проѣзжали мы двѣ какїя-то деревни поселѣнныя на изрядномъ мѣстѣ. Я не успѣлъ узнать о ихъ имяни. Тутъ появляется знаменитое *Плещеево озеро*, которое мѣлькая издалека во взорѣ моемъ, нечувствительно опять терялось. — Дорога становится глаже, и дремучїе лѣса

уже кажутся вдали. Извощикъ, говоря держись, скачетъ. Безпрестанно попадаются намъ древнія, построенныя въ видѣ башенъ часовни, и наконецъ городъ Переславль-залѣской; старинный городъ, бывшій нѣкогда столицею своихъ князей. — Тутъ найдешь множество древнихъ монастырей обоего пола, заставляющихъ нечувствительно прибѣгнуть къ любезной меланхолїи. Взойди въ какой нибудь монастырь, увидишь тысячи пре-

данныхъ землѣ смертныхъ, читаешь надгробныя надписи и видишь, что иной былъ славной герой и умеръ со славою; другой былъ доброй вельможа, и лежитъ не хуже его; но между ими можетъ быть есть и самыя лютыя гіенны. Тутъ сокрытъ прахъ юной дѣвы, а здѣсь возлюбленный ее юноша. Они теперь вмѣстѣ наслаждаются пріятнымъ сномъ. Земля всѣхъ перемѣшала; князей и славныхъ подружила съ незнатными,

поселянина съ героемъ, всякъ спокоенъ и никто непревозносится своими почестями. Они соблюдаютъ дружество и равенство. — Осмотрѣвъ монастыри, я пошелъ по городу, увидѣлъ изрядные деревянные ряды, прекрасные каменныя постоялыя дворы. Ходилъ посмотрѣть *Ботикъ*, прошелся по берегамъ озера, вспомнилъ *пріятное препровожденіе времяни*, въ коемъ оно описано и мысленно восхитился прекраснымъ произведѣніемъ нѣж-

ной сочинительницы. — Походилъ, еще посмотрѣлъ -- восхитился, пожалѣлъ, засѣлъ въ кибитку и поскакалъ. — Тутъ опять три или четыре древнихъ часовни и нѣкоторые небольшія деревушечки, кои я запамятовалъ. Пролетѣвъ романическія виды, ближнія окружности древняго Переславля, прибылъ благополучно въ деревню Погостъ, гдѣ, перемѣнивъ пегасовъ, пустился во всю ночь. Какое безпокойство, сонъ сжимаетъ очи, а спать нель-

зя — колокольчикъ звинитъ и болѣе охотитъ ко сну; но нѣтъ! проклятая прящучая телѣга, дастъ ли наслаждаться покоемъ.

Adieu ma chere ſoeur.

ПИСЬМО СЕДМОЕ

Ростовъ 4 Іюня.

Темная завѣса лѣсовъ не прерывается до самой деревни Н. * *, стоящей на высокой горѣ. Послѣ оной слѣдуетъ

село О * *, — окруженное дремучими лѣсами и тинистыми болотами. Послѣ оной еще нѣкоторая деревня, которую я проскакалъ во всю прыть и не успѣлъ узнать о наименованіи. — Ѣхавъ нѣсколько часовъ унылыми мѣстами, вдругъ восхитился зрѣніемъ села Любимова, отстоящаго отъ Ростова слишкомъ на 20 верстъ. Съ огромной сей горы Ростовъ виденъ почти весь. Озеро издали представляетъ очаровательную картину, на дру-

гой сторонѣ озера видно славное *Поречье* село, принадлежащее графу Шереметеву, въ немъ строеніе побольшой части все каменное, и крестьяне живутъ отмѣнно богато. Тутъ еще проѣдешь два, а можетъ быть и три небольшія селѣнія, кои я запамятовалъ. — Потомъ слѣдуетъ нынѣ уничтоженной городъ Петровскъ. Въ немъ достопримѣчательнаго каменные присудственные мѣста, соборъ, довольно хорошая рѣка, и каменныя ря-

ды. Я тутъ не остановился, а отправлялся далѣе. — Вотъ и Дердинко, довольно хорошее село, на извивистой рѣчькѣ. За нимъ слѣдуетъ Л**, село не такъ большое. Подлѣ него есть порядочной прудъ, гдѣ я не преминулъ сойти и посмотрѣть дичи. — Ну вотъ и послѣднее къ Роспову сѣло Песочное, выѣхавъ изъ коего представятся тебѣ рѣдкія гиды: древнія монастыри, величественное озеро, усѣянное небольшими островками, и тамъ вдали за

онымъ по холмикамъ и долинкамъ разбросаны различныя селѣнїя.

Ростовъ на берегу озера своего имяни, кое въ древности имяновалось Неро. Оно представляетъ священное мѣсто. — Скромныя монастыри украшаютъ Ростовъ и привлекаютъ большее число богомольщиковъ, поклаяться Святому Димитрїю, Ростовскому Чудотворцу. Извощикъ мой взвезъ на постоялой дворъ, которой содержитъ одинъ почтенный Дїа-

конѣ. Домикъ его на самомъ озерѣ, изъ оконъ онаго видъ очаровательенъ; тамъ вдали въ синѣющимся туманѣ представляются въ великолѣпномъ положенїи, сельскїя церкви и колокольни. Здѣсь веселыя рыбаки, въ малыхъ челнокахъ своихъ, поспѣшно разѣзжаютъ по озеру, попѣвая изрядныя пѣсенки. Я до обѣдни вздумалъ отдохнуть, что и исполнилъ. Вставши напился китайскаго напитка, ударили въ колоколъ къ поздней обѣдни, и я въ це-

ркѣ; тутъ постныя лица монаховъ, вселяли какое-то особое почтеніе. — Все тихо. Всѣхъ очи обращены къ мощамъ Святаго Димитрія. Послѣ обѣдни, приложившись къ мощамъ, пошелъ на квартиру, гдѣ долгое время не нашелъ чемъ заняться, началъ читать почти что глупости на стѣнѣ написанныя. Между оными я нашелъ, что в его примѣчательнѣе, одна молодая дѣвушка, написала слѣдующее. — „Молодость „моя еще въ самомъ цвѣтѣ

„лѣтъ, красота моя не ху-
„же другой, довольно бога-
„та, имянуюсь прелестнымъ
„именемъ Лизанькою, и не
„найду еще по сердцу себѣ.

Лизавета Д.
18 лѣтъ.

Я подписалъ: милая Ли-
занька, это ужъ слишкомъ не
скромно. Между тѣмъ наску-
чивъ библіотекою глупостей,
иду созерцать прелести Ро-
стовскаго озера, и со вздо-
хомъ вспоминаю тебя, дра-
жайшая Дунюшка — коли-

кое! пространство тебя сомною раздѣляетъ, вспоминаю чувствительнаго описателя Росиовскаго озера, и слеза невольно канула изъ глазъ моихъ, и потерялась въ волнахъ. — Пришедши на квартиру, увидѣлъ множество продавцевъ съ финифтяными образами, которыя наперерывъ старались другъ передъ другомъ, скорѣе продать. — Я купилъ три или четыре образа, твой Ангелъ, милая сестра, свой, еще образъ Св. Л. ** и чудотво-

рца Николая. Потомъ, какъ скоро отвязались отъ меня сіи продавцы, то мѣсто ихъ не было пусто. Милыя крестьяночки въ цвѣтныхъ нарядахъ, принесли разлиныя ягоды, и я у рѣдкой не купилъ. Спустя съ полчаса послѣ сихъ, подъ окнами проявилась толпа цыганъ, которыя кривляясь различнымъ образомъ, просили милостыни. Я сказалъ имъ, что онѣ молоди и могутъ работать, — они отвѣчали, что не привыкли. — Послѣ сего, погово-

ривъ съ ними съ полчаса, едва отдѣлался мѣднымъ рублемъ. По томъ, отобѣдавъ, выслушалъ всеночную —; пострѣлялъ на озерѣ, расплатился съ хозяиномъ и исправивъ свои дѣла, отправился.

Прощай.

ПИСЬМО ОСМОЕ.

Калистово, отъ 9 Іюня.

До Конюхова тебѣ все извѣстно. На другой день изъ Ростова я прыбылъ въ оное, и нашелъ большую компанїю моихъ родстренниковъ. Тутъ погуляли, повесѣлись. Я выкупался и остался проводить ночь подъ ихъ кровомъ. На другой день въ четыре часа поутру ускакалъ, напившись чаю, въ Троицкую Лавру, гдѣ вторично облобы-

завѢсвятыя моіци, поѣхалѢ вѢ Хотьковѣ Монастырь. Дорога до онаго чрезвычайно прелестна, на оной ей попадешся двѣ или три деревни. Я бы привелѢ туда какого нибудь Геснера, чтобѢ онѢ описалѢ тамошнїе прелести. Вообрази, высокую гору, внизу широкую рѣку, полную почти сѢ берегами, прелестныя долины, усѣянныя различными сортами ароматныхѢ цвѣтковѢ. Березовыя рощицы придаютѢ не послѣднее украшенїе сему мѣсту. — ПотомѢ проѣхавѢ

нѣсколько верстъ и вступивъ въ Хотьковъ, гдѣ родители Св. Сергія Радонежскаго опочиваютъ. — Монастырь построенъ на довольно прелестномъ мѣстѣ. Я застaлъ литургію, гдѣ цѣломудренныя монахини стоятъ и смиренно перебираютъ чіотки. — Иныя пострижены въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, а другіе только что разцвѣтаютъ. Богомольцевъ путешествующихъ много. — Выѣхавъ изъ Хотькова, встрѣтился со мною одинъ увѣнчанный

сединами старецъ, съ которымъ я разговаривалъ, онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ прожилъ цѣлый вѣкъ (*) и что никогда не бывалъ болѣнъ. Служилъ воиномъ, былъ на шести сраженіяхъ, отставленъ сержантомъ; въ медаляхъ ... и идетъ помолиться угодникамъ Божіимъ. Я вынувъ нѣсколько денегъ, хотѣлъ ему дать; но онъ отказался, поблагодаривъ учтивымъ образомъ, сказалъ

(*) То есть сто лѣтъ.

мнѣ; я довольно богатъ, государь мой, мнѣ нельзя жаловаться на судьбу. — Я съ нимъ поговоривъ еще нѣсколько времени, распрощался и поскакалъ. Дорога прекрасная, вездѣ селы, вездѣ лѣса; наконецъ и Калистово село Князя О** — добродушнаго и честнаго человѣка. Онъ меня обласкалъ, повелъ показывать свои заведѣнія. Много хорошаго: но почти все уничтожается. Напр., въ одной рощѣ есть такія древа, коибы подлинно можно

было почесть рѣдкостію, естьли бы ихъ пружины и изгибы не повредило время. Обозрѣвъ все его заведѣнія и рѣдкости, послѣ сего обѣдалъ, и не много успокоясь, напился чаю, поблагодаря хозяина за хлѣбъ за соль, отправился въ путь.

Adieu encore pour quelques tems.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Пушкино, отъ 10 Іюня.

Отъ Калистова я не долго ѣхалъ по проспекту, скоро вступилъ на большую дорогу и поскакалъ, коею я тебѣ не разсудилъ описывать въ другой разъ. — Рѣдкостей же со мною не случилось —. Въ 8 часовъ вечера, я благополучно прибылъ въ село Пушкино, гдѣ и остановился проводить ночь. — Здѣсь увидя мно-

жество знакомыхъ, проходилъ съ ними почти всю ночь.

Adieu.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Москва, отъ 11. Іюня.

Встаю, и три часа ударило. Сажусь въ повозку, понуждаю ямщика, — обѣщаю ему на водку, — лошади не бѣгутъ, а лѣтятъ и въ десять часовъ я уже въ благословенной столицѣ. — Мысля, что ты здѣсь, лѣчу разцѣловать тебя, моя милая Ду-

нюшка, — но — вмѣсто того мнѣ подаютъ письмо, — распечатываю, — — о Боже! Это отъ сестры, читаю и вскрикиваю: — *я еще съ ней не увижусь, нѣсколько времени,* напрасная поспѣшность. —

Adieu.

Пѣсенки,

сочиненныя мною въ Росіовѣ

Бьется сердце, бьется, бьется·
Выбивается изъ силъ;
Духъ терзается, мятется,
Свѣтъ мнѣ бѣлой здѣсь не милъ.

Неужель въ меня вселилась,
Лютая болѣзнь теперь;
Голова моя вскружилась,
Я терзаюся. — Повѣрь.

Или съ горя, со печали
Застрѣлю я самъ себя —

Но сей часъ ужъ мнѣ сказали
Вѣсть ужасну про тебя.

Что ты вышла за Милона,
Не хотя мучить меня;
Такъ желаю тебѣ трона,
Говорю ужъ не стеня.

Разлука.

Слеза изъ глазъ ручьемъ катится,
Печаль стѣсняетъ грудь мою;
Жестокой рокъ сразить меня спремится,
Оставить долженъ ту страну;

Въ которой милыя родныя
Меня не станутъ утѣшать.
Часы забавъ, часы златыя!
Я долженъ васъ позабывать;
Мнѣ сердце здѣсь велитъ ос-
таться,
Судьба влечетъ въ безвѣстной
край,
И съ милой родиной разстаться.
Любовь, съ тобой вездѣ мнѣ рай.
Съ тобой въ горахъ, лѣсахъ дре-
мучихъ,
Твой пленникъ будетъ жизнь
влачить,
Лить токи жаркихъ слезъ — го-
рючихъ,
Вздыхать, томиться и любить.
Хоть на краю жить буду свѣта,

Вездѣ найдетъ меня любовь;
Вездѣ, о милая ***ета!
Твой взоръ мою жечь будетъ кровь.
Почтоже томно сердце бьется,
И къ милой хочетъ улѣшеть;
За вздохомъ вздохъ стрѣлой несется,
Въ послѣдній разъ ее узрѣть.
Друзья любезные, прощайте!
Простите, ахъ! въ послѣдній разъ
Въ забавахъ время провождайте.
Я буду ядъ пить всякой часъ, —
Пока смерть хладная во гробѣ.
Не скроетъ прахъ печальный мой:
Тогда и я въ земной утробѣ
Усну, съ покоемъ съ тишиной.

Правдивъ

Своихъ въ теченьѣ
Любовь спокойство все съ
лось;
Одна минута, все какъ сонъ
На вѣки щастье удалилось,
Одинъ остался въ сердцѣ стонъ.

КОНЕЦЪ.

Вездѣ найдетъ меня любовь;
Вездѣ, о милая * * * ета!
Твой взоръ мою жечь
...жно читать.

Почтоже том...

И къ м...	...одобно и	Подобной выше-
3...	...шеписанной	писанной
38	5 и въ ожи- даніи	Я въ ожиданіи.
41	10 домострои тельно	Домострои- телю
59	4 На оной ей.	На оной еще.